

А.Б. Абдулина

*(Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, г. Алматы,
Казахстан)*

ПСИХОПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ А. КЕКИЛЬБАЕВА «КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ»

В литературоведении и в других гуманитарных областях знания неотъемлемыми элементами научного интереса стали психология, познание душевной жизни через тайны внутреннего мира человека. «В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом» [1, с. 15].

Роман А. Кекильбаева «Конец легенды» – одно из наиболее характерных в этом отношении произведений современной казахской литературы, где психологические переживания и сложность чувств особенно ярки и значительны, организуя пространство повествования переплетением поступков и душевных метаний. Чувства, которые переживали герои драмы ревностной и неразделенной любви, выразил молодой зодчий в камне построенного для жены Тимура минарета. Но Повелитель превратно понял их, что привело к самому жестокому и трагическому концу – гениальный мастер был ослеплен и лишен языка.

«На основе этого несложного, казалось бы, сюжета А. Кекильбаев создал глубокое нравственно-философское исследование бездонных пучин, в которые повергает человека и человечество «непомерность власти», уродующая жизни и души. И, в первую очередь, жизнь и душу самого тирана, опустошаемую стремлением к абсолютному превосходству даже перед самим богом», – пишет критик З. Кедрина [2, с. 9].

При всей верности оценки, вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что сюжет, дошедший из глубины столетий и касающийся легендарной истории, оставил след в сердцах и умах людей так же, как оставляли его раны военных поражений и коленопреклонности перед великим Тимуром. Противоречивые и разрушительные перипетии жизни жестокого поработителя народов вдруг перестают тешить его самолюбие, оно задето чувством простолодина, сумевшего сотворить удивительное сооружение в честь женщины самого Тамерлана и, тем самым, разрушить бытие могущественного владыки.

Автор не пользуется пространными диалоговыми ситуациями, напротив, главную конструирующую роль играет внутренний монолог или косвенная речь повествователя.

«Глядя на капли, похожие на слезинки и бесследно исчезающие где-то в глубине бассейна, он чувствовал, что сердце его смягчается, оттаивает. Плотный наст суровости и жестокости, намерзший в душе за долгие-долгие годы, вроде рыхлел, крошился от каких-то неведомых ему нежных чувств, напоминавших ласковый весенний ветерок, и Повелитель весь обмяк,

подавшись печали одиночества. В нем вдруг неожиданно проснулась жалость» [3, с. 283].

«Когда в те далекие годы скитаний измученная жена, стыдясь опереться на него, бывало, лишь робко, по-девичьи прикасалась к его плечу и невнятно просила: «Сил моих больше нет...поддержки чуть-чуть...», он ясно видел в её усталых глазах причудливый клубок всех человеческих чувств» [3, с. 284].

«Он вздрогнул, весь подобрался.

– Боже милостивый...выходит, это красное яблоко...

Он вслух проговорил эту фразу и осекся, словно испугавшись, что кто-то мог его подслушать» [3, с. 293].

«Всю жизнь он придерживался непреложного правила: «Избегай тупика, из которого нет выхода. На всякий случай всегда оставляй лазейку!» [3, с. 452].

«Тигр прижал уши, напряжился, выгнул хребет. «Готовится к прыжку», – мелькнуло в голове Повелителя [3, с. 448].

«Если ты стоишь чуть выше, он припадает к твоим ногам, целует подол твоего чапана и угодливо бормочет: «Слушаю, мой господин!» [3, с. 447].

Внутренний мир человека изображается автором в процессе постоянного и непрерывного психического потока. Каждая картина сменяющих друг друга ситуаций структурирована сложной палитрой чувств и размышлений героев. И, прежде всего, главного персонажа – Повелителя, наделенного сильной, волевой натурой, никогда и ни перед кем не склонившего головы, но вдруг дрогнувшего и растерявшегося перед удивительной силой любви, обернувшейся для него коварством и предательством жены.

«Повелитель был обескуражен. В осторожном молчании толпы таилось что-то подозрительное. В думах и предположениях он проводил бессонные ночи... Он вновь и вновь подходил к окну и каждый раз съеживался, наливался досадой и злобой при виде голубого минарета, молчаливо злорадствовавшего над ним» [3, с. 429].

Постепенно психическое состояние человека, потерявшего внутреннее самообладание, уводит его в мир искаженных образов.

«Иногда казалось, минарет снисходительно подсмеивался над потерявшим покой владыкой. А вместе с ним, чудилось, усмехалась многотысячная толпа, копошившаяся у его подножия. Простая мысль так поразила его, что он в отчаянии схватился обеими руками за голову и, обессиленный, присел».

Не понимая и не желая смириться перед непокорной ему стихией позора, Повелитель ищет опоры в тяжких испытаниях воина, которые возвышали его над простыми смертными и всегда давали шанс отстоять свою честь с острым клинком в руке. Но наступил час, когда «оказалась посрамленной честь, и верный клинок был бессилён» [3, с. 445].

Глубина охвативших чувств, противореча обычному твердому убеждению о непогрешимости и безграничности власти, заставляет вновь и вновь искать ускользающую истину. Очевидно, что под воздействием

возбуждения и замутненности ума, усиливаются нервозность, страх, сонливость и неспособность воспринимать вещи такими, каковы они на самом деле.

«Удушливый туман, словно чадом обложивший душу, несколько развеялся, поредел, но полная желанная ясность на сердце не наступала. Блаженная сонливость и тяжесть растекались по телу, но дух бодрствовал. Он испытывал странное желание незаметно раствориться в ночной мгле, слиться с разморенной тишью» [3, с. 437].

В этом желании просматривается глубинная философия восточных практик, когда восстановление квинтэссенции ума возможно лишь в тишине. Известно, что в традиционных культурах Востока медитации, молитвы, мантры способствовали восстановлению внутренней гармонии и психического равновесия. Отсутствие душевного покоя считалось признаком утраты связи с собственной душой – источником творческой жизненной силы и радости. К этой цели стремится герой романа, в котором древняя легенда о башне, некоем символе свободы, превращается в повествование о восхождении души великого правителя к божественной истине. Единственный источник её, как и всего сущего, – Бог. «В тишине дивной ночи, сулившей отдохновение и усладу для души и тела, усилием воли Повелитель вновь направил разладившийся настрой измученной души по едва заметной тропинке, обещающей впереди желанное пристанище, похожее на райский уголок» [3, с. 438].

Этот уголок земли – священная Мекка. Сон, как виртуальный хадж, совершаемый Повелителем в толпе паломников – одна из самых сильных картин романа.

Повелитель пытается поступать как другие, впервые воспринимая молитву как глас к Богу о помощи. «Бесчисленное число раз слышал он эту смиренную мольбу из уст других, но сам никогда не произносил подобных слов. Он с трудом ворочал языком, долго шевелил губами, принаравливаясь к хору страждущих, по лицам которых текли слезы, но при всем своем страдании так и не сумел выжать ни одной слезинки» [3, с. 438].

И тогда Повелитель идет к самому священному для верующих месту – черному камню Каабы. Но здесь его постигло неожиданное – стоило поклониться, как камень точно живой, отстранился, ускользая то в одну, то в другую сторону. «Тогда Повелитель протянул к нему руки, но опять не дотянулся. Как это предусматривается ритуалом, трижды обежал Каабу. После каждого круга он наклонялся к камню, чтобы прикоснуться к нему губами, но камень всякий раз ускользал от него» [3, с. 440].

Поразительный по значимости образ вращающегося священного черного куба, найденный автором, фантастичен и невероятен, но для характеристики гипертрофированного сознания человека, совершающего хадж собственной души к Богу, он уникален силой поэтического замысла.

«Идет-бредет толпа паломников, шлепая босыми ступнями по пухлой пыли. Задыхаясь и обливаясь потом, спешит за ней Повелитель. А перед глазами неотступно стоит черный камень Каабы. Не стоит даже, а крутится,

вращается, будто гончарный круг, катится перед ним. И как бы ни старался повелитель – догнать не может» [3, с. 441].

Сон завершается жалкой картиной бегущего обессиленного Повелителя, вопящего и выкрикивающего слова молитвы: «О, Всеблагий, Всемогущий! Готов исполнить любую твою волю, только не откажи в своей милости! Будь также великодушен ко мне, как к другим верным твоим рабам». Впервые в жизни срываются с губ такие жалостливые, покаянные слова. Но, видно, не доходит его жаркая молитва до Всевышнего. Крутится, катится впереди священный камень Каабы, и нет никакой мочи догнать его. Напрягая горло, он кричит протяжно, долго, в отчаянии: О, Аллах! Внемли мольбе раба своего! О, Алла-а-а-ах!..» [3, с. 442].

Сон заканчивается, но не завершается трудная духовная работа человека, наделенного безграничной властью и вдруг задумавшегося о жизни:

«Из-за мыса подул прохладный ветерок. Однако он не мог развеять тягостную духоту в груди... Неужели из живущих на земле у него, Повелителя, больше всего грехов? Неужели он единственный не достоин прощения? Разве есть на свете большее унижение, нежели коварство блудливой женщины?.. Так зачем Всевышний навлек на его голову такой позор? Чем уж он так провинился перед ним? Разве тем, что так усердно оберегал достоинство трона и короны, которыми облагодетельствовал его сам Всевышний? Или виноват он в том, что безжалостно карал погрязших в блуде и грехе и с помощью огня и меча водрузил над иноверцами Зеленое знамя Пророка?» [3, с. 445].

«Приходится признать горькую истину: его всемогущество, безраздельная власть, слава и честь также призрачны, мимолетны и обманчивы, как и румянец на лице смазливой бабенки, или как добро купчишки-крохобора. Это конечно так. Но вот что вызывает недоумение: священный камень Каабы, приснившийся ему во сне, не шелохнулся, когда касались его губами отъявленные грешники, на совести которых не одна подлость, а его, Повелителя, верного слугу Аллаха, черный камень упорно не подпускал к себе» [3, с. 446].

Мучительные размышления привели героя к пониманию того, что «сон, приснившийся в канун охоты, явился знамением предстоявших мытарств, знамением судьбы, зовом духа предков, и то, что священный камень Каабы упорно ускользал от него во сне, было не чем иным, как смятением, отчаянием души в безысходности, в тупике» [3, с. 457].

Архитектоника текста структурирована логикой душевных исканий героя, форма вопроса выполняет роль его категориальной парадигмы.

«Может, зоркий глаз Всевышнего подметил высокомерие и чванливость, укоренившиеся в душе Повелителя? Может, проявление надменности к себе подобным и есть грех, который Всеблагий ему не прощает?» [3, с. 446].

Душевные терзания становятся все более невыносимыми, и Повелитель решает обратиться за помощью к старцу, посвятившему всего себя служению Богу. Совершив трудное восхождение к горной обители отшельника,

который выслушал его с язвительной ухмылкой, Повелитель услышал только:

«Должно быть, сын мой, отпугнул ты духов, прогневил святых заступников. Подумай!..».

Терзания продолжались, не помогли чтение Корана и размышления над ним, не помогла всепоглощающая война. Постигла Повелителя кара – «страшная немощ сковала его, и под ним разверзлась черная пучина... В нем еще тлела свеча здравого рассудка, но сомнения и страх все решительней захватывали все его существо, растекались по всем жилам, и он подспудно понимал, что именно в них заключена его гибель» [3, с. 460].

Конец легенды оказался бесславным завершением жизни такого же грешного, как и все простолюдины, Повелителя. Смерть уравнила Избранника судьбы с теми, кого он называл нечестивцами, чернью, презренным человеческим родом.

Две ведущие темы – пагубности деспотической власти и вдохновенного творческого труда зодчего – блестяще раскрыты писателем в ярком психологическом повествовании. Мастерски владея всеми формами литературного психологизма, Абиш Кекильбаев создал уникальное полотно исторического романа, полнокровного, связанного многими нитями с вековыми истоками народной мудрости и нравственных ценностей.

Использованная литература:

1. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М., 1988.
2. Кедрин З. Продолжение легенды. – М., 1983.
3. Кекильбаев А. Степные легенды. – М., 1983.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of psychology in the works of modern Kazakh novelist A. Kekilbayev. Based on the novel "The End of the Legend" examine the primary forms of psychology with an emphasis on the analysis of the main character of the narrative.

Key words: Psihopoetic, a discourse, the writer, the novel, a plot, the author, dialogue, the text, arhitectonics, theme.